

Роман СЕНЧИН:

В жизни куда страшнее, чем в литературе

ПРОЗАИК-НОВОРЕАЛИСТ — О СВОИХ ГЕРОЯХ, ТВОРЧЕСКИХ ПЛАНАХ И О ГОРОДЕ НА НЕВЕ

Писатель Роман Сенчин хорошо знаком отечественному читателю. В 2009 году его роман «Елгышевы» — о жизни обычной российской семьи в глубинке — вошел в шорт-листы литературных премий «Большая книга», «Русский Букер», «Национальный бестселлер» и стал одним из самых обсуждаемых среди читателей и критиков. Через два года эти же «Елгышевы» вошли в шорт-лист премии «Книги десятилетия». Тогда же, в 2011-м, он написал свою знаменитую «Информацию» — роман об опять же, казалось бы, обычном человеке, живущем свою неприметную жизнь в наше время, на этот раз в столице. Интерес к Сенчину не случаен. Прочитав его и окунувшись в его реальность, долго потом оглядываешься на самого себя и как будто отряхиваешься (а забыть эти тексты вообще крайне сложно). Читать его книги очень интересно, хотя по большому счету — невозможно трудно, даже страшно. Но — надо.

МОИ ТЕКСТЫ — ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩИЕ

— Роман, последний ваш роман вышел три года назад. В 2013-м издана книга повестей «Чего вы хотите?». Что нам ждать в ближайшее время?

— Я работаю над произведением о Богучанской ГЭС. Книга будет называться «Зона затопления». Это несколько связанных друг с другом географией и персонажами рассказов о том, что происходило в деревнях Кежемского района Красноярского края в 2008 — 2013 годах. Фабулы рассказов документальны, у большинства героев есть прототипы, но документальной я бы книгу не стал называть. Вообще большинство моих вещей написаны на документальной основе, абсолютного вымысла нигде нет. Не знаю, когда книга допишется. Материала много, собрано огромное количество деталей. Сейчас проблема, как сделать из этого прозу, а для этого от одного приходится отказываться, другое упрощать...

— Главный вопрос, которым задаешься после прочтения ваших произведений, — зачем? Зачем писать об этом, писать так?

— У нас много разных писателей, выбор книг для читателей огромен. Есть несколько десятков авторов, которые пробуют показать реальную жизнь, разобраться в ней. Чаще всего получаются довольно мрачные тексты. Но вообще русская литература очень редко обращалась к светлым сторонам бытия. Поэтому я не думаю, что я пишу слишком темными красками.

— Вам самому не страшно наедине со своими героями (и в процессе работы)?

— Страшнее бывает рядом с прототипами многих персонажей. Какая бы ни была литература жесткая и жестокая, в жизни бывает куда страшнее.

— А о светлом, жизнеутверждающем, оптимистическом вам не хочется, неинтересно писать?

— Мне кажется, что большинство моих вещей все-таки жизнеутверждающие. Как говорится: через тернии к звездам. Нарочитую чернуху я не пишу. Как мне кажется.

«Объяснить эффект «прилипания» к сенчинскому тексту несложно — чисто психологически: не просто даже жизнь-как-она-есть (хотя и это тоже), а — роман-зеркало, история существа, у которого и голова устроена примерно так же, и дела обстоят похожим образом; у всех ведь — Сенчин умеет это показывать — все более-менее одинаково».

Литературный критик Лев Данилкин

ОБЫКНОВЕННЫЕ ЛЮДИ — ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНЫ

— Что вдохновляет вас на раскрытие новых тем? Иными словами, ваша муза — кто она?

— Жизнь вдохновляет. Конечно, это особое вдохновение, не в виде красавицы-музы с лирой, но нечто витает... У меня есть рассказ 92-го года «Глупый мальчик» — недавно он переиздан в сборнике «Наш последний эшелон», — и там я попытался описать свою музу. Пересказывать сейчас не буду, лучше посмотрите в тексте.

— В некоторых интервью вы говорите, что вы — певец «среднего». Почему стоит говорить о среднем? Это интересно? Не кажется ли вам, что читателю интересней крайности, яркие проявления?

— Писателей, пишущих про крайности, способных закрутить сюжет, и без меня предостаточно. Я бы тоже хотел писать не про среднее и средних людей, но не получается. У каждого свое предназначение. Тем более в обыкновенных, неприметных людях зачастую скрывается много того, что стоило бы показать в литературе.

— Вообще что вы любите, что вам нравится, навскидку, в разных сферах?

— Нравится, когда среди так называемой текущей литературы попадает то, что увлекает: таких книг или хотя бы рассказов очень немного. Нравится, когда наши футболисты побеждают и биатлонисты. Нравится рыбачить, грибы собирать. Много чего нравится, но если начнешь перечислять, анализировать, нет гарантии, что может разонравиться.

— Все ваши герои, так или иначе, из 90-х. Почему? Что для вас этот период?

— Конечно, каждое поколение считает, что оно какое-то особенное. Но в любом случае сам я попал в очень интересную

ситуацию — ушел в армию в декабре 1989 года, когда была одна страна, а вернулся в декабре 1991-го в другую. Причем полтора года торчал на заставе в карельском лесу, практически мало что зная о том, что происходит вокруг. Может, если бы не армия, вошел бы в Питере, где учился перед армией, в какую-нибудь банду или стал бы коммерсантом. Но сложилось так, как сложилось. Я долго не мог понять, где я, что мне делать, как жить. На это наложился переезд нашей семьи из Тувы (родины писателя. — Прим. авт.) в Красноярский край, смена городской жизни на деревенскую. Именно тогда я и стал всерьез пробовать что-то писать, году в 1993-м... Позже, уже в Москве, я прочитал прозу моих ровесников — Олега Павлова, Ильи Кочергина, Дениса Гуцко, Антона Тихолоза, Германа Садулаева, Михаила Елизарова, Алексея Иванова, Андрея Рубанова, Александра Карасева, Дмитрия Данилова — и увидел у всех них схожую с моей растерянность, недоумение. Ребята буквально на несколько лет моложе — Захар Прилепин, Сергей Шаргунов, Александр Снегирев, Всеволод Бенигсен, Евгений Алехин — совсем другие. Наверняка те, кто попал на 1991 — 1993 годы в момент взросления, будут к этому периоду снова и снова возвращаться.

ПЕТЕРБУРГ МЕНЯ ГИПНОТИЗИРУЕТ

— Для вас важна критика?

— Да, важна. И даже если я не согласен с автором статьи о каком-нибудь своем тексте, то по прошествии времени обнаруживаю, что воспринял то или иное замечание. Не приемлю откровенного хамства, нередко вступаю за коллег по цеху, если их оскорбляют.

— Несколько лет вы провели в Петербурге. Каким-то образом этот город

оказал влияние на ваше становление, мировосприятие?

— «Несколько лет» — это преувеличение. Приехал первый раз летом 1987 года вместе с классом. Турпоездка. Побывали, конечно, в Эрмитаже, в Петродворце, но нас, пятнадцатилетних, больше тянуло в неформальную среду. Сбегали в рок-клуб, на «Камчатку», на Некрасовский рынок, где накупили кассет с ленинградским роком, фотки Кинчева... На следующий год приехал снова, а после окончания школы решил вместе с одноклассником поехать в Ленинград учиться. Поступили в строительное училище на плиточника. Месяц снимали комнату на Васильевском острове, хотя училище находилось на Народной улице — другой конец города. В декабре меня забрали в армию. Через два года вернулся в совсем другой мир, попытался снова учиться в том же училище, но оказалось, что иногородних туда уже не принимают, вместо общежития — гостиница. Вернулся домой, в Туву. Сейчас бываю в Петербурге время от времени. Люблю гулять по тихим улочкам в окрестностях Невского проспекта, вдоль канала Грибоедова от Казанского собора до Никольского... Что касается «как повлиял» — не берусь определять, каким образом, но повлиял. Кстати, действие довольно большого количества моих повестей и рассказов происходит в Питере — «Нубук», «Один плюс один», «Дочка», «Ждем до восьми», «Оборванный календарь». В романе «Лед под ногами» немало страниц посвящены Ленинграду конца 80-х.

— Последние годы вы живете в Москве. Часто ли приезжаете к нам? Что стараетесь посетить?

— Приезжаю иногда два-три раза в год, правда ненадолго. Но чтобы Питер принял человека, раскрылся ему, нужно пожить хотя бы месяц. Вжиться. И в то же время не увязнуть, не дать себя загипнотизировать этому странному и прекрасному существу, каким является Петербург — Ленинград. Не знаю, кто как, а я этому гипнозу подвержен...

